

ходные дни и даже отпуска расходовал на научные исследования.

Особенно ей трудно было, когда сынишка болел. Мы друг друга уговаривали: подрастет — будет легче.

А когда он подросток, надо было думать: как укрепить здоровье сына? И Лиля начала подбирать ему спортивные занятия. Сначала — волейбол. Неудачно. Потом — парусный спорт. Тоже неудачно. Прижился теннис. Но это случилось уже без родительского вмешательства и значительно позже, когда сын стал студентом университета.

Много внимания уделяла Лиля и гуманитарному развитию сына. Рассказывала ему о новинках культуры, обо всем, что в те времена волновало людей образованных и интеллигентных. Ее вечерние, перед сном, разговоры с ним — это обсуждение прочитанного, увиденного и услышанного. Нередко они выливались в забавные дискуссии. Мое же участие в расширении образования сына ограничивалось физикой и математикой. Подбирал ему и помогал в решении сложных задач, привозил из командировок новинки учебной литературы.

Усилия родителей принесли замечательные плоды: сын окончил с золотой медалью среднюю школу и одновременно две заочные очень престижные физико-математические школы — Московского физико-технического института и Харьковского университета. Но поступил в Одесский университет.

Шли годы. Мы выросли, но родители старели. Подкрались к ним болезни. Коварные и тяжелые. Затем пришла череда трагедий: сначала умерли мои, затем ее родители. И в эти тяжелые времена особенно проявились Лилины замечательные человеческие качества.

В марте 1972 года тяжело заболела моя мама. Вечером перед операцией у ее постели в больничной палате были ее муж, дочь, сын, т. е. я, и Лиленька, ее невестка. Мама в основном молчит, видимо, все ее мысли связаны с завтрашним днем. Молчит и папа. Он обычно немногословен, но на этот раз чувствуется, что он растерян и подавлен. Разговариваем только мы, дети. Пытаемся если не снять, то, по крайней мере, снизить уровень предоперационного волнения. Удастся это плохо. Вдруг заговаривает мама:

— Дорогие, у меня к вам просьба. Прошу только, чтобы она никого не обидела. Просьба моя такая: пусть в первую послеоперационную ночь около меня подежурит Лиленька.

Нервы у всех были напряжены до предела. Каждый думал об одном — как и чем помочь маме. Поэтому все поторопились заверить ее, что просьба будет безусловно выполнена. Так оно и было. На следующее утро после операции Лиля встретила меня в больничном коридоре. Ее заплаканные глаза все сказали...

В предельно опасной, экстремальной ситуации моя мама доверила свою жизнь не ближайшим родственникам — мужу, дочери, сыну, а невестке. Видимо, такое возможно при каких-то ее особых душевных качествах. Да, большой запас нежности и сострадания Лиля пронесла через всю жизнь.

Вся Лилина профессиональная жизнь была связана с кафедрой химии строительного института. Там она стала серьезным специалистом по очистке воды и строительным материалам. Подружилась, и довольно близко, вплоть до душевной общности, с некоторыми сотрудниками — как она их называла, кафедрами. А за свои дружелюбие и профессионализм с лихвой была награждена студенческой любовью. Благодарственные письма ее бывших студентов в течение многих лет — прямое тому доказательство. Один из них — министр водного хозяйства какой-то африканской франкоговорящей страны.

Когда моя жена была уже на пенсии, одна из бывших коллег по кафедре химии спросила ее:

— Вы столько лет замужем, неужели в вашей семье не было скандалов или ссор?

— Никогда ни ссор, ни тем более — скандалов.

— Как такое может быть?

— Мы с мужем всегда были перегружены работой и заботами о родных и близких. Нам было не до "выяснения отношений", да и причин для конфликтов не было, — ответила Лиля.

Я бы на такой вопрос ответил иначе. В наших чувствах друг к другу важная роль отводилась безусловному взаимному признанию внутри семейного лидерства. Иными словами, я ее считал лидером семьи, а она — меня. По мне, подобные отношения между людьми — отличный фундамент и для обычной человеческой дружбы.

В 1989 году наш сын со своей молодой семьей отправился в эмиграцию. Это решение было принято неожиданно и без нашего участия. И Лиленька перенесла его тяжело, можно даже сказать — болезненно. Наступило время редких телефонных разговоров сначала между Одессой и Римом, а позднее — Одессой и Нью-Йорком. А в промежутках — постоянные волнения. В каких условиях они живут? Что с работой? Как здоровье внуков? Как сложились их отношения с местной детворой? Вопросы были много — отпадали одни, возникали другие... Волнения не прекращались со вре-

менем, скорее — усиливались. И это отразилось, несомненно, на ее здоровье.

В 1991 году у нее случился инсульт. К счастью, не в самой тяжелой форме. Ее родителей уже не было в живых, но с некоторыми врачами — бывшими коллегами ее отца — и мы были знакомы. Они-то и оказали Лиле квалифицированную медицинскую помощь. Особую роль в этом сыграл отличный невропатолог и наш добрый знакомый Дима Вайсфельд. Лечение было трудным, а выздоровление — долгим: оно растянулось почти на три года.

Болезнь Лили, уход из жизни родителей, отъезд в эмиграцию многих друзей и, конечно же, сына с семьей породили в ней и во мне удивительно чуждое одиночество. Результатом этого стало наше решение о воссоединении с семьей сына.

В трудное, бесконечно светлое по форме и алогичное по существу время Лиленька заняла жесткую позицию: с нами должно переехать все, что является интеллектуально-нравственным содержанием и отражением семьи. Не случайно на вопрос таможенника при отправке багажа: "Что ценное вы перевозите?" — она ответила: "Книжки и семейные бумаги". Таможенник с удивлением и даже с брезгливостью рассматривал какие-то пожелтевшие от времени рукописные страницы и целые тетради, письма в надорванных конвертах, написанные разными почерками, дипломы об окончании Женевского и Дерптского университетов, пачки и альбомы фотографий, карандашные и чернильные рисунки, оттиски научных трудов членов семейства.

В 1994 году мы оказались в Нью-Йорке. Там Лиля старалась обустроить наше жилье так, чтобы хотя бы некоторые стены комнат напоминали одесскую квартиру. И ей это удалось! Она всегда к своему дому относилась, как к храму...

Начало нашей жизни в эмиграции было относительно активным. Оно включало знакомство с городскими достопримечательностями, а их, слава богу, в Нью-Йорке немало, экскурсии в близлежащие города — Бостон, Вашингтон и Филадельфию, а также создание круга общения из людей, близких по миропониманию.

Только первое десятилетие эмигрантской жизни Лиленька, как говорится, "была на ногах", хотя и с целым букетом серьезных заболеваний. Второе десятилетие принесло ей новые болезни, в том числе и наследственную, от которой нередко умирали родственники по материнской линии. Тогда-то все другое, кроме Лиленькиного здоровья, потеряло для нас всякий смысл и стало нам совсем ненужным и... невозможным, например, связанное с поездками.

Со временем ей становилось все хуже и хуже. Она не только перестала двигаться, но и усилились боли в различных частях тела. К тому же из-за глаукомы пропало зрение левого глаза. Но она запойно продолжала читать, норма была — семь русскоязычных ежедневных газет Нью-Йорка. Наткнувшись в них на упоминание о новых книгах, прорвала их заказывать. Получив новинки, как всегда, в течение всей жизни, на титульных листах тщательно выводила: "Л. Б.". И прочитывала их одним взглядом! И все это — в полулежачем положении... Ведь она была заядлая книжница.

Последние 5 — 6 лет я никогда не оставлял ее одну. Всегда был при ней. Примерно год до смерти Лиленька вообще была прикована к постели. Так к ее физическим страданиям добавились и нравственные. Но, тем не менее, она никогда не говорила о смерти.

Когда она была в бессознательном состоянии, я подолгу сидел у ее кровати, прислушиваясь к ее дыханию, что-то говорил... Она не слышала меня, но, мне казалось, чувствовала мои руки. А я понимал, что она есть.

Последний раз в госпиталь она поступила первого октября 2013 года. Второго числа ее подключили к аппарату искусственного дыхания, а третьего октября в 2 часа 10 минут дня ее сердце остановилось.

Примерно через два часа нас, ее близких, впустили в больничную палату. Ее светлое, жемчужное лицо на фоне палатной белизны как будто покрыто серой пылью. Я не помню, как и когда я поцеловал ее впервые, это было давно, но хорошо помню и никогда не забуду, как я это сделал в последний раз. Это было там и тогда. Мои губы, коснувшись ее лба, почувствовали остатки уходящей жизненной теплоты...

Похоронена Лиленька на большом кладбище, расположенном в живописном холмистом месте, поросшем могучими дубами. Под сенью одного из них на склоне холма она нашла свое упокоение.

Кто она для меня? Не скрою: смысл жизни. Она сделала мою жизнь счастливой. Вот почему не только в памяти, но и в душе, в каждой клеточке моего тела жить она будет вечно. Что нас объединяло? Да всё — любовь, дружба, преданность, обостренное чувство долга, любознательность, страсть к познанию и, наконец, еще что-то, что делает семейную жизнь счастливой.

Ее уход — это закрытие тяжелой дубовой двери нашего одесского открытого дома. Закрытие со скрежетом. И — навсегда...

Памяти Аркадия Креймера

Всемирный клуб одесситов с глубоким прискорбием сообщает, что 27 ноября 2014-го, на 69-м году жизни, от нас ушел заместитель директора ВКО, секретарь Президентского совета клуба, Почетный одессит Аркадий Евсеевич Креймер.

А.Е. Креймер родился 30 августа 1946 года в Одессе. Окончил Одесский инженерно-строительный институт, работал много лет инженером, учителем, воспитателем. Более десяти лет был главным инженером объединения "Рыбагросервис".

С 2006 года — заместитель директора Всемирного клуба одесситов.

Аркадий Евсеевич был человеком невероятной доброты. Он был абсолютной бескорытен. Присущая ему общественная активность нашла свое применение именно в клубе одесситов; здесь его человеческие и душевные способности достигли полного расцвета.

Он был автором множества идей, связанных с сохранением культурных традиций Одессы, активнейшим образом участвовал в их реализации. При его непосредственном участии увидели свет такие электронные проекты клуба как "Одесса в памятниках, мемориальных досках и зданиях", "Они оставили след в истории Одессы"; активно участвовал в создании в Одессе памятника Исааку Бабелю.

Многие юные одесситы навсегда запомнят лекции "Одесса — мой город родной", которые в последние годы каждую неделю им читал Аркадий Евсеевич.

Ни для кого в Одессе и везде, где живут одесситы, не было секретом, что Аркадий Креймер был душой клуба. Его радушие и гостеприимство, умение находить дружеский контакт с каждым во многом и создавали ту атмосферу уюта и обаяния, которой на протяжении вот уже более 20 лет славится Всемирный клуб одесситов.

Мы знали, что Аркадий Евсеевич не очень здоров, и иногда пытались предостеречь его от излишних нагрузок. Он на это только улыбался и, как все настоящие одесситы, мягко просил "не морочить ему голову".

Он бы без нас, как нам кажется, все-таки как-то смог.

Нам же без него будет очень трудно.

Будем помнить...

Выражаем искренние соболезнования семье Аркадия Евсеевича.

Президентский совет ВКО.

Скончался Георгий Голубенко

С глубоким прискорбием сообщаем, что в ночь на 1 декабря 2014 г., на 68-м году жизни, скончался писатель, драматург, сценарист, Заслуженный деятель искусств Украины Георгий Андреевич Голубенко.

Когда речь идет о таком известном в Одессе, любимом ею человеке, сухие слова протокола не отражают те беду и печаль, которые постигли наш город.

От нас неожиданно ушел, нас безвременно покинул любимый не только друзьями, но и всей Одессой просто Гарик. Это именно он на протяжении практически всей жизни пел гимн своему любимому городу, хранил и продолжал его великие культурные традиции, развивал и приумножал его немеркнущую литературную славу.

Его претерпевшая несколько изданий знаменитая книга "Рыжий город" вслед за "Одесскими рассказами" Исаака Бабеля уже давно вошла в золотой фонд лучших произведений об Одессе.

Его выдающийся комедийный талант проявился еще во времена, когда он был студентом Одесской консерватории; на ее знаменитые капутники лопился весь город.

А приход Гарика Голубенко в одесскую сборную команду КВН в начале 70-х и особенно его авторское участие в выступлениях первой команды "одесских джентльменов" в середине 80-х во многом и обеспечили те блестящие победы одесситов, которые уже вошли в историю.

Это именно в пятой комнате Одесского дворца студентов, где Гарик работал художественным руководителем, и родилась осенью 1972 года идея одесской Юморины, окончательно закрепившей за Одессой звание столицы юмора.

Это именно он был инициатором написания пьесы об Одессе "Старые дома", которая с музыкой Оскара Фельцмана и стихами Роберта Рождественского шла в десятках музыкальных театров страны, за рубежом и более десяти лет не сходила со сцены в Одессе.

Им вместе с соавторами и самостоятельно было написано до десятка прекрасных комедий, таких, в частности, как "Король скрипачей", "Королева Молдаванки", "Таланты и полковники", "Кабаре Бени Крика" и многие другие.

Это именно он вместе с режиссером Юлием Гриншпунном создал знаменитый в Одессе и везде, где сегодня живут одесситы, шоу-театр "Ришелье".

Это именно по его сценарию был снят полюбившийся зрителям по-настоящему одесский фильм "Улыбка Бога".

Знаменитые одесские театральные капутники 70 — 80-х годов, которые славились не только в Одессе, тоже связаны, прежде всего, с именем Голубенко.

Успешно работал Георгий Андреевич и в последние годы. Так, буквально за месяц до его ухода в Доме клоунов состоялась премьера его только что написанной пьесы "Одесский подкидыш", а страницы журнала "Фонтан" украсили два его новых блестящих одесских рассказа.

Георгий Андреевич много лет был членом правления Центра реабилитации детей-инвалидов ("Дом с ангелом"), был членом Президентского совета Всемирного клуба одесситов.

Георгий Андреевич Голубенко, дорогой наш Гарик навсегда останется в нашей памяти.

Одесса его никогда не забудет.

Искренние соболезнования жене Танюше, сыну Денису, его близким и друзьям.

Президентский совет ВКО.

Художнице Тане Гончаренко

Но стало меньше в мире красоты

с твоим уходом. Красота хрупка.

Зачем ушла так одиноко ты?

Куда же увела тебя тоска?

Знакомых много — не было друзей.

Любимых не было — лишь славы забытые.

Ушла ты в мир из линий и теней...

Забрала одиночество свое.

А в натюрмортах нет ни тени слов —

изысканность лишь там цветком цвела.

Как много принесли тебе цветов —

а на холстах тонули в зеркалах!

Промозглый день нас до костей пробрал:

осенняя шершаво-злая тишь...

А где-то там в пространстве ты летишь...

И нет ответов в сумерках зеркал.

Анна Божко-Стреминская.